

Сергей Огольцов

**обратный
путь
из
невозвратного**

16+

Сергей Огольцов

Обратный путь из невозвратного

«Автор»

2019

Огольцов С. Н.

Обратный путь из невозвратного / С. Н. Огольцов — «Автор»,
2019

Повесть из 7-ми глав, воссоздает события сольного путешествия из Конотопа (Северная Украина) в Степанакерт (Нагорный Карабах) по взрывоопасной чересполосице Кавказа в момент затишья между первой и второй российско-чеченскими войнами.

© Огольцов С. Н., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава первая	5
Глава Вторая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сергей Огольцов

Обратный путь из невозвратного

Глава первая

Мать моя переспросила ещё раз:

– Так двести гривен точно хватит?

И пришлось рассказывать опять, что в авиакассе на ЖД вокзале мне сказали, что у них в продаже билеты лишь на рейсы из московских аэропортов, а потом, по моей просьбе, посмотрели в своих расписаниях цену билета на самолет Киев-Ереван и вычитали: «150 гривен».

– Может долларов?– подтошнивал я.

По ту сторону прозрачной стенки авиакасс удивились на мою бестолковость и повторили: «гривен!».

Радостное облегчение—хватит!—распрямило мою вопрошающую позу, я умиленно бормотнул благодарное слово, и зашагал прочь, раздавив триумфальным шагом ненужного червячка сомнения, что шевельнулся было в уголке сознания: как же оно так получается?

Выходит билет из Киева в Ереван чуть ли не вдвое дешевле, чем оттуда сюда?

Приехать из Степанакерта в Конотоп тоже было непросто – на 12 тыс. драм отпускных, которые выдал мне госуниверситет на всё про всё до 1-го октября, не слишком-то распутешься.

А не поехать нельзя – истекал 10-летний срок, обусловленный для работы с книгами, которые мне дал Учитель. Их нужно было обязательно вернуть, но особого доверия к постперестроечной почте я не испытывал.

Письма, правда, доходят.

Мать по весне писала, что от рака и хирургического вмешательства умер мой друг Владя, с которым мы сидели за одной партой, изрезанной нашими надписями: BEATLES, ROLLING STONES, вместе поступили на завод и сообща стучали слесарными молотками в его ремонтном цеху, совместно грохотали электрогитарами в группе ОРФЕИ на танцплощадке заводского парка.

Его я тоже не видел десять лет и уже никогда...

Потом мысли перетекали на родителей, которые уже не первый год пенсионеры.

И, среди всего прочего, старшая из моих внучек от первого брака осенью пойдёт первый раз в первый класс, а я с их поколением даже и по фотографиям не знаком, хотя может и видел, да забыл.

Что толку от незнакомого фото неизвестного тебе ребенка? Стоит перевернуть и черты лица уже не вспомнишь.

Вот так всё вместе: книги, внуки, родители, друзья—живые и мертвые—10 лет отсутствия, да и мало ли ещё чего – нагромазилось в достаточно вескую причину, чтоб съездить на прощальную побывку-встречу с Украиной.

На 12 тыс. драм? С женой и тремя детьми?

Сатэник понимала, что мне действительно надо поехать. Вынула из ушей сережки, приложила свой любимый перстенок и отнесла в ломбард.

Бачьянагы (так в Карабахе именуют свояков) тоже помогли деньгами, в общем, как-то собралось на дорогу в один конец...

...Словно и не было этих десяти лет: где-то войны прошли, наводнения, землетрясения; круто перекраивалась карта мира, а тут, в провинциальной тиши и глухомани, всё как и было.

Вот только вроде съезжилось всё оно как-то: улицы, что ли, поуже стали? Или дома вросли поглубже в землю?

Ах вот оно что! Наверно, все дело в деревьях, вон как вымахали, разрослись вширь и вверх, а все недвижимое, там внизу, измельчало до размера игрушек покинутых в детской песочнице.

Нет, не войти в одну и ту же реку дважды. Надо быть постоянной ее частицей, влечься течением ее вод, чтоб она тебе казалась всегда одной и той же, неизменной...

Стиснутые деревьями улицы стали тенистее – игрушечней, а машин прибавилось.

Всё сплошь подержанные иномарки – они дешевле отечественных, но стоит им проехать мимо, унося утробное буханье динамиков в своём салоне, и вновь всплывает звук неспешного поскрипыванья педалей велосипеда – он тут незаменимый транспорт для любого возраста и пола.

Самая нужная в хозяйстве техника о двух колёсах: и в гости на нём, и на работу, или мешок картошки с базара привезти...

Друзья опознаются мгновенно – их различаешь несмотря на неожиданную сетку морщин и небывалую прежде встревоженность взгляда, которая метит людей понявших, что в жизни, в общем-то, ждать больше нечего – впереди только лишь повторения того, что уже было, а потом и того не станет...

Но уже в следующий после опознания миг они превращаются в себя прежних – хлопцы, что надо, своя блатва и хиппарь; ну а эта новая поросль с крутыми прическами из обритых под корень волос ничего в них, небось, и не видит, кроме морщин да увильчивых глаз.

Сестра, конечно ж, пригласила в село за городом – погордиться почти готовым дачным домиком – осталось только изнутри покрасить. Или, может, оклеят обоями – пока что не решено.

Мужу ее некогда: прорабствует в Москве, строит дачи тамошним "крутым", доллары зарабатывает; а сыновьям-школьникам пока что слова не давали на столь животрепещущую тему.

И у брата свои достижения: во дворе хаты колодец выкопал, электронасос поставил; кнопку нажал и – нажурчивает сколько надо: свеженькая, своя.

Город газифицируется, так он подвел, за подключение – 400 гривен; старшая дочь десятый закончила, а тут и трехкомнатная по заводской очереди подросла.

Родители тоже в полном порядке. На газ, правда, не размахнулись, но двор между домом и кирпичным сараем зацементирован, как и дорожка, уводящая в глубь сада, к утепленному туалету.

В огороде попискивает хлопотливый выводок цыплят, под лавкой возле яблони валяется щенок, раскормленный до шарообразности. Валяйся, валяйся, лодырь, вот заявятся девчата в гости – они тебе покоя не дадут!

Внучки мои в полном восторге, что у них ещё один дед появился, и даже с бородой.

Только непонятно, почему он их первого деда—бритого—называет папой, а их мама этому, новому, деду тоже "папа" говорит, а не "дед", как первому – поди разбери этих взрослых.

А бабка и дед, который новому деду папа, зовут его по имени, как мама ихнего папу.

Ну их совсем!

– Эй, дед! Иди меня на качели покачай!

У моей сестры всё та же деловая хватка:

- Ну а как ты, родимый, назад добираться будешь?
- Я, по пути сюда, в Киеве в одну армяно-украинскую газету зашёл. Сдал им перевод поэмы Исаакяна, "Абу-Лала Магари" называется.
- А оно им надо?
- Ну чтоб братство народов развивать. Неплохая поэма. В общем, сказал, что меняю перевод на обратный билет до Еревана.
- И что они в той газете – такие дураки?
- Да, нет конечно. Редактор—Женя Церунян—вполне даже умная женщина. Мы около часу разговаривали и не скучно было.
- Так что тебе эта умная женщина пообещала?
- А ничего. Говорит: будем спонсора искать, позвони 25-го числа, часов в одиннадцать.
- А если спонсора не будет? Пожимаю плечами: – Тогда до Северного Кавказа на электричках, а дальше – автостопом. Но ещё могу пешком. Хорошо бы гитару достать, чтоб на харчи подрабатывать.
- У тебя что – шиза гуляет? Да ты в зеркало глянь, на свою видуху. С твоей бородой и твоим лысым черепом тебя на второй же день повяжут. Террорист недоделанный.
- Никакой он не лысый. Просто у меня прическа короткая.
- Не переживай, повяжут и ещё укоротят. А бороду лучше сам сбрей. Добровольно.
- Не могу. У меня пари с бачьянагом. Он говорил, что с такой бородой я и до Киева не доберусь; а я обаялся привезти ее обратно в сохранности.
- Бачьянаг – что ещё такое?
- Муж сестры жены. По-карабахски.
- Да как тебя только жена терпит? Бомжа несчастного. Бедная Сатэник!.
- В общем-то, в речах сестры имелся свой резон.
- В один из вечеров, в подземном переходе у ЖД вокзала меня остановил вооруженный дубинкой сержант милиции и начал требовать документы. И это в старой доброй провинциальной глуши и захолустьи!
- У как повеяло вдруг в том переходе Сафоновщиной с её комендантским часом и людоловными патрулями на улицах Степанакерта!
- Документов при мне не было и сержант спросил про место работы.
- Преподаватель кафедры иностранных языков Арцахского госуниверситета! А вы чьих будете?
- Бдительный страж оказался смекалистым, прикинул, что вряд ли бы бомж смог выговорить такие слова как "кафедра", или "госуниверситет" и, на всякий, решил не связываться.
- Так оно и шло...
- Я съездил в Нежин. Собеседовал с Учителем.
- В соседнем районе, посетил казацкое село Курень.
- Повалялся денёк на загородном речном пляже, куда двадцать минут езды электричкой.
- Сходил в парную баню, о которой не раз мечтал в предыдущие десять лет.
- И все прощался, прощался, прощался.
- И с бесподобными березами рощи, через которую вьется тропа к реке Сейм.
- Не повторится...
- И с тихими улочками, где в тенистой зелени листья созревают сквозь дрему бордовые вишни. Не повторятся...
- И с песчаными грядками сестриной дачи.
- И с незнакомой малышкой в старом парке, который тоже не повторится.
- И с запертыми цехами впавшего в ко́му завода; не повторится то, что было, никогда...

Не знаю, понял ли я сам, зачем мне так нужна была эта поездка. Может быть, проститься с самим собой? Или может...

Не знаю.

Программа визита была уже исчерпана, пожалуй.

Даже Владю я повидал, друга юности умершего от рака с медицинской помощью.

Мне прокрутили видеозапись его сольного концерта, сделанную на городской телестудии.

Говорят, передача понравилась зрителям, особенно из того поколения, что ходили на танцплощадки к ОРФЕЯМ. Так что, повидал я его живого.

Располнел. Дорогие часы на запястьи. Все песни исключительно на украинском языке.

Но это глазами нынешних, а я видел того, другого.

Я видел Владю, хоть на видеозаписи между номерами всплывало: "Співає Володимир Сакун"...

25-го я позвонил в Киев Жене Церунян, она сказала, что спонсора найти не удалось и попросила передать привет нашему общему знакомому Владимиру Акопяну, когда вернусь в Степанакерт.

Я поблагодарил ее за участие, а перевод "Абу-Лалы" попросил оставить в дар редакции – для развития братства между народами.

Потом родственники мои собрали 300 гривен (клянусь, не повторится такое никогда!), и я, наведши справки в авиакассе на ЖД вокзале, сказал, что на дорогу хватит и двухсот.

И тогда мать моя переспросила: точно ли что хватит?

Глава Вторая

Первая электричка на Киев отправляется в пять утра, а туда прибывает в девять. Но это завтра, а пока что дочь укладывает гостинцы для дальних закавказских родственников в мою дорожную сумку и дает мне всякие умные наставления: как нужно вести себя в жизни.

Я согласно на всё киваю: пусть почувствует себя знающей женщиной.

Потом звучит главный вопрос:

– Теперь у тебя там другая семья. Дети. А меня ты любил как свою дочку?

– Почему «любил»? И теперь люблю.

– Так же как их?

– Нет конечно. Маленьких любишь другой любовью: за то, что маленькие, что несмышлёныши, что им нужна твоя защита. Ты из такой любви уже выросла. Вон какая хозяйшкa. Я тебя за внушек люблю.

– Ну а как дочку ты меня любил?

– Да. Просто говорить об этом как-то не получалось, но ты вспомни: я никогда не уезжал, не повидавшись. Перед отъездом в Одессу полдня потратил, помнишь появился в твой пионерлагерь с велосипедом? А перед Баку целый день ушёл, на дизель-поезде в областной центр—в твоё швейное училище и обратно.

– Дядька правду говорит, что ты уже больше не приедешь?

– Да.

– Никогда-никогда?

В голосе слезы, влага в глазах. Пора менять тему.

– А с тёткой у тебя как?

– А никак. Она и здороваться не изволит. В трамвае один раз даже отвернулась. И муж её мог бы дать работу моему в Москве. Отсюда много ребят ездят, там можно в день 20 долларов заработать.

– Не может её муж дать твоему работу возле себя.

– Почему это?

– У него там своя жизнь и лишние свидетели—которые потом сюда вернуться—ему ни к чему. Ну а тётка тебе просто завидует.

– Чему завидовать? Что без работы сижу? Еле-еле на мужнину зарплату тянем.

– Дом у неё в коврах, это верно, и в гараже свекрови французская иномарка стоит, которую муж из Москвы пригнал. Только они беднее вас.

– Чем это?

– Молодостью.

В глазах её взблескивает огонек гордости. Ведь и вправду – владелица несметного богатства; на ближайшие десять лет.

– А с тёткой ты помирись.

– Не захочет она.

– Ещё как захочет. Всякая женщина мечтает иметь дочку, а у неё только сыновья.

– А в трамвае тогда отвернулась.

– Это когда было?

– Не помню. Зимой. В феврале, кажется.

– Значит просто не увидала. В феврале ей, знаешь как трудно было? Муж в Москве, свекровь в больнице, а тут в один день и свёкор умер и Владя.

– А Владя тут причём?

– Ну... он любовником её был.

– Владя?! А муж?!

– Так это ещё до мужа... Первым.

Тогда сестра моя молодостью была богаче, чем моя дочь сейчас. В одну и ту же реку нельзя войти...

Чепуха. Все наоборот. Из реки этой нельзя выходить нельзя.

Потом я провожаю дочь к ней домой и одолживаюсь их велосипедом, чтоб утром довести свой багаж от родительского дома до их дворика, откуда до ЖД вокзала рукой подать.

Вернувшись, я застаю ещё два велосипеда приткнутые у калитки дома родителей.

Мой брат и ещё один давний друг пришли попрощаться.

Друг всё порывался сгонять за самогонкой, но обошлись просто долгим разговором на троих, к которому присоединился мой отец.

Тематика, почему-то, была всё больше военной.

Брат вспоминал два года крутой службы на пусковых площадках Байконура.

Друг про то, как один раз на учениях он уполз с поста, лакомясь ягодами стелющейся ежевики. Так и переползал от кусточка к кусточку, пока не уткнулся в чёрные офицерские сапоги стоящего над ним командира роты.

Отец мой подпустил морской романтики. Как он получил увольнение на берег, но загулялся и опоздал к последнему катеру.

И вот, чтоб не оказаться в дезертирах, он на рассвете привязал ремнём одежду к голове и поплыл брассом к своему стоящему на рейде кораблю. А капитан приметил и приказал убрать штормтрап, и никому не торчать на палубе.

Так отцу пришлось ещё несколько раз обплыть вокруг тральщика, осторожно выкрикивая имена товарищей.

Потом ему сбросили верёвку и – когда он вскарабкался – вся команда стояла навтыжку, вместе с капитаном, как будто для встречи адмирала флота.

А у адмирала штаны и ботинки – на голове...

Потом на крыльцо вышла мать и прекратила собрание, сказав, что завтра мне рано подыматься.

Мы втроём вышли в густую и тихую украинскую ночь на неосвещённой окраинной улочке, под яркую россыпь звёзд, влажно помигивающих в чернильной темени неба в просветах между садовой листвой над дощатыми заборами.

Друг стиснул мне руку, ещё раз сказал: "Не верю!" и – укатил в темноту, тревожа мирную дрёму собак на три переулка в округе лихими казацкими гиками вперемешку с обрывками рок-н-рольных припевов.

Брата я ещё чуть проводил. Одну руку он держал на холке велосипеда, что послушно шёл рядом, слегка пошелёстывая шинами по шлаку покрытия.

Молчали и мы. Потом мне вдруг вспомнилась нездешняя—северная—ночь. Свет ламп над пустынной дорогой. Неподвижный уезженный снег непрерывно искрился в конусах фонарного света, затухая лишь там, где его покрывала тень двух шагающих пацанят в круглых меховых шапочках, с поднятыми воротниками пальто.

– Да,— сказал мой брат,— я помню. На атомном объекте. Ты пошёл в библиотеку, а я тоже увязался.

Тень, что малость повыше, охватила сопровождающую за плечо и я сказал:

– Ты, брат, знай, если кто тебя обидеть захочет или, вообще, чуть что, так ты мне скажи – я тебя защищать буду. Всегда.

– Да,— повторил мой брат,— и это помню.

– Ну в последние десять лет помощи от меня не ахти сколько было, а? А теперь вот и вовсе беру свое слово обратно. Дальше сам на себя полагайся. Уж ты прости, брат. Прощай.

Мы обнялись.

– Прощай, брат,– выговорил он сдавленным голосом и, додушивая всхлип, почти выкрикнул:

– Ты только Им не поддавайся.

Лёгкое дребезжание велосипедного щитка стихло за углом.

Я глянул на звёзды.

Искрятся.

Каких таких "Их" он имел ввиду? Наверно, он и сам не знает; просто так вырвалось.

"Они" – как воплощение всего, что против нас в этой жизни. Как та свора молодого хулиганья, от которых мы отбивались вдвоём на танцплощадке.

Или те байконурские "деды", от которых он отбивался в одиночку.

Они – те, кто пустил под откос—в немыслимую круговерть—такую прежде размеренную и понятную жизнь: от одного съезда КПСС до следующего, из пятилетки в пятилетку.

Те – кто остановил заводы, кто сделал из провинциального города питомник по выращиванию киллеров для Москвы и Санкт-Петербурга.

Или, может, это он про те самые реки, в которые нельзя войти и выйти невозможно?..

Не знаю. И никто не знает. Даже вон те, что там искрятся.

И, вообще, мать права – завтра рано вставать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.